

Н.И. Герасимова,
кандидат культурологии,
доцент Чувашского государственного института
культуры и искусств.
г. Чебоксары

Значение деятельности Н.И. Ильминского в просвещении чувашей

В статье показано значение Н.И. Ильминского как вдохновителя и руководителя практической деятельностью И.Я. Яковлева и его соратников по просвещению чувашей. Автор акцентирует внимание на необходимости более пристального изучения вклада Н.И. Ильминского в дело подготовки национальных кадров для практической миссионерской работы и формирования национальной интеллигенции.

Ключевые слова: Н.И. Ильминский, И.Я. Яковлев, просвещение чувашей, миссионерская деятельность среди инородцев, братство святителя Гурия, традиции Кирилла и Мефодия.

Ученик не бывает выше своего учителя; но и, усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его.

(Лк., 6, 40).

Роль в И.Я. Яковлева в деле просвещения чувашей трудно переоценить. Об этом сказано и написано немало. Однако такого масштаба и значения деятельность И.Я. Яковлева достигла во многом благодаря личности Н.И. Ильминского, которого, называя своим учителем, чувашский просветитель глубоко чтит. Приведем для примера выдержку из всем известного завещания, где он писал следующее: «Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью. Залогом и путеводной звездой да послужит бессмертное имя учителя моего Николая Ивановича Ильминского, олицетворяющего для меня все величие и всю красоту русского народного характера» [1, с. 600]. Влияние его системы испытали практически все народности Восточной России, а сам Н.И. Ильминский обрел ревностных последователей не только среди чувашей [2; с. 872].

Общеизвестным является тот факт, что с 1868 года по своей инициативе и на свои средства И.Я. Яковлев стал заниматься обучением чувашских мальчиков. Правда, в те годы молодой И.Я. Яковлев отрицал значимость для образования чувашей изучения родного языка, понимая обрусение как неизбежную ассимиляцию чувашей «с целью избежания сепаратизма». Такое мнение сложилось у И.Я. Яковлева под влиянием И.А. Баратынского (1824 – 1895), законоучителя Бурундукского удельного училища, в котором будущий просветитель учился в 1856 – 1860 годах.

По словам И.Я. Яковлева, Н.И. Ильминский впоследствии смог переубедить И.А. Баратынского, так что последний «обратился в сторонника взглядов Николая Ивановича» [1; с. 163].

Под влиянием этих идей будущий просветитель находился вплоть до встречи с Н.И. Ильминским, впечатление от общения с которым было столь велико, что он решил устроить свою школу, используя опыт учителя, для чего специально вызвал в Казань своего ученика А. Рекеева.

Крещенотатарская школа была основана Н.И. Ильминским в 1863 (по другим источникам – в 1864) году. С 1868 г. богослужение в школе полностью велось на татарском языке. Особенно сильно поразило в этой школе чувашского просветителя церковное пение. В воспоминаниях И.Я. Яковлева читаем: «Будучи в Симбирской гимназии, я любил бывать на архиерейских службах и слушать хорошее церковное пение. Но впервые я был буквально потрясен пением на богослужении в крещенотатарской школе Ильминского. Поставил это пение в школе на недостижимую высоту иеромонах Макарий, бывший много лет спустя митрополитом Московским, а тогда миссионер Алтайский» [1; с. 161–162]¹.

Итак, беседы с учителем указали И.Я. Яковлеву тот путь, по которому он уже внутренне готов был идти, дали практическое направление его юношеской жажде подвижничества. Этот факт засвидетельствовал в своих воспоминаниях сам просветитель: «Могу сказать, что не будь моей встречи с Н.И. Ильминским, я пошел бы, может быть, обыкновенной чиновничье-педагогической дорожкой и не делал бы ничего для чуваш» [1; с. 216].

Безусловно, сами по себе идеи Н.И. Ильминского не были уникальны. Образно говоря, он стоял на плечах немало числа миссионеров, источником подвижничества для которых стала идея апостольского служения, целью – донесение до языческих народов Евангельских истин, средством – родной язык инородцев.

Среди таких миссионеров безусловной незаурядностью выделяется фигура Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Этот подвижник начал свой путь миссионера, будучи еще молодым священником, добровольцем отправившись на остров Уналашка проповедовать алеутам Евангельское слово. С этого времени вся его жизнь была отдана делу просвещения нерусских народов северных и восточных окраин Российской империи. Его переписка по поводу якутских изданий представляет для нас большой интерес с точки зрения внимания просветителя к строю языка и стремления сделать переводы максимально адекватными и понятными для местного населения².

¹ Впоследствии И.Я. Яковлев большое внимание уделял именно музыкальному обучению воспитанников симбирской чувашской школы [2].

² В письме к К.С. Сербиновичу от 10 января 1857 г., в частности, читаем следующее: «Быть может, вашему высокопревосходительству покажется удивительным, если я скажу, что первое Евангелие пересматривалось несколько раз и каждый раз делались поправки и перемены, и это – главное оттого, что сами наши отцы, члены комитета нашего, можно сказать, до того времени не знали языка якутского как следует. Много говорящих по-якутски очень хорошо, и в то же время знающих Русский язык как нельзя лучше; но когда пришлось переводить с Русского на Якутский, то какая иногда выходит гиль! И это частью от незнания вполне

Следовательно, Н.И. Ильминский своей системой довершил и оформил то, что делали до него другие, в частности, Иннокентий. Постепенно просветитель пришел к выводу, что переводы должны быть переданы разговорным языком с учетом национальных бытовых и ментальных особенностей. Для работы над переводами, которые отвечали бы таким требованиям, должны быть привлечены представители инородческого населения, знающие свой народ изнутри. Отсюда вытекает, что непосредственными делателями на миссионерской ниве также могут и должны быть, прежде всего, священнослужители из местного населения [5, с. 111]. Последние же должны отвечать следующим требованиям, которые в первую очередь должны искать в характере кандидатов: а) зрелого, не менее 30-летнего, возраста, сопровождаемого рассудительностью, постоянством, опытностью; б) трезвости, честности, благочестия, но не мнимого, не лицемерного; в) искреннего и убежденного исповедания православной веры и учительности; г) в отношении образования можно ограничиться знанием важнейших в истории домостроительства спасения событий Ветхого Завета и подробным знанием жизни Господа Иисуса Христа; достаточную начитанностью в слове Божиим и особенно в Евангелии; знанием основных догматов веры православной, насколько они излагаются в катехизических сочинениях для простого народа; знанием порядка церковного богослужения; археологические и тому подобные сведения в предметах богословия не обязательны; д) желательно при этом знание (но тоже не научное) русского языка на столько, чтобы мог он объясняться свободно по-русски с разумением читать русские книги религиозного содержания» [6; с. 172].

Говоря о значении деятельности «Апостола казанских инородцев», как называли Н.И. Ильминского, невозможно не упомянуть о Братстве святителя Гурия, которое вело свою бурную просветительскую деятельность во многом благодаря Николаю Ивановичу, после кончины которого эта деятельность практически угасла [7].

Таким образом, система Н.И. Ильминского – это своего рода философия служения, опирающаяся на многовековой опыт русских миссионеров и восходящая к традициям времен деятельности Кирилла и Мефодия: «Напрасно говорят, что русская церковь не дорожит миссионерским служением. Начиная с ростовских святителей Леонтия и Исаии, с преподобного Авраамия Ростовского и мученика Кукши, просветителя вятичей, до епископа Николая, основателя Японской Православной Церкви в конце 19 века, русская церковь не переставала давать апостолов Евангелия, лучшие из которых умели отделить служение вселенскому делу Христову от национально-государственных обрусительных задач» [6; с. 127]. Именно таким был Николай Иванович Ильминский.

Русского текста, а главное – от неумения передать по-якутски сообразно складу этого языка. ...Наконец, Господь вразумил и наших отцов, как нужно передавать Якутам Русскую речь, и теперь дело пойдет скорее [4; с. 406 – 407].

Список литературы

1. Яковлев, И. Я. Моя жизнь: воспоминания : к 150-летию со дня рождения И. Я. Яковлева = Манӑн пуӑнӑҫ : асаилӑсем = My life : memories / И. Я. Яковлев ; [редкол.: Л. П. Кураков и др.]. – Москва ; Чебоксары : Республика, 1997. – 696 с.

2. Машковцев, А. А. Н. И. Ильминский и духовное просвещение нерусского населения южной Вятки в конце XIX в. / А. А. Машковцев // Русская культура и мир : тезисы докл. участников 2-ой Междунар. науч. конф. – Н. Новгород, 1994. – Ч. 1. Культурология, история, философия, психология. – С. 71–73.

3. Кондратьев, М. Г. «Чувашские преобразования» И. Я. Яковлева и начало новой истории чувашской музыки / М. Г. Кондратьев // И. Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. – Чебоксары, 2001. – С. 63–100.

4. Барсуков, И. П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников / И. П. Барсуков ; авт. предисл. Патриарх Моск. и всея Руси Алексий ; сост. В. В. Качаев ; указ. Н. М. Полунина. – Москва : Фирма Алеся, 1997. – 770 с.

5. Машанов, М. Обзор деятельности братства святителя Гурия за 25 лет его существования (1867 – 1892) / М. Машанов. – Казань, 1892. – 256 с.

6. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси (X – XVII ст.) / Г. П. Федотов. – 4-е изд. – Париж : ИМКА – Пресс, 1989. – 243 с.

7. Колчерин, А. Николай Иванович Ильминский [Электронный ресурс] / А. Колчерин. – Режим доступа: http://posredi.ru/b_05_29_N_Ilminskiy.html. – Загл. с экрана.

Gerasimova N. I. The importance of N. I. Ilminskiy's activities in the education of the Chuvash people.

Annotation: The article shows the importance of N. I. Ilminskiy as the mastermind and leader of practical activities of I. Ya. Yakovlev and his colleagues in educating the Chuvash people. The author emphasizes the necessity of more careful studying N. I. Ilminskiy's contribution to training national personnel for missionary work and formation of national intelligentsia.

Keywords: N. I. Ilminskiy, I. Ya. Yakovlev, education of the Chuvash people, missionary work with non-Christians, brotherhood of St. Guriy, traditions of Cyril and Methodius.